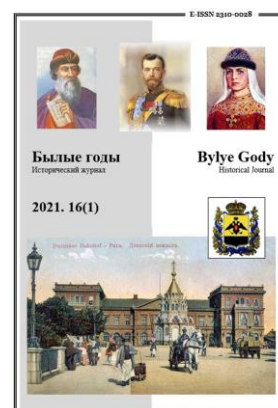

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 231-243.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.231
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Assessment of the Assimilation Potential of the Russian People in the National Social Thought of the 19th century

Anatoly I. Narezhny ^{a, b}, Amiran T. Urushadze ^{a, c, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Science, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

^c European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article focuses on the analysis of assessments of the assimilation ability of the Russian people in Russian social thought of the 19th century. The term was used in relation to interaction between an alien and a Russian element in a role of a peaceful colonizer, while not supported at all, or supported to an insignificant degree by the state. The definition of assimilation ability was considered accordingly as the ability to transfer one's own cultural basis to other nations.

The process of assimilation of the peoples is defined as an essential component of the formation of an ethnical landscape. Its manifestations in Russian history are associated with the advancement of the Slavs to the northeastern lands, the process of the formation of the Russian state and the Great Russian nationality. Its assimilation abilities analysis allowed researchers to identify two stages. The first stage was defined as successful due to the superiority of the Slavic settlers in socio-cultural terms, the role of the Russian nationality in the formation of the Russian state, as well as the unity of its components. The subsequent loss of assimilation abilities was considered by the Slavophiles and representatives of the conservative-nationalist trend to be a result of the socio-cultural split in the Russian people and the loss of national identity of the intellectual elite. Researchers with a liberal-Western orientation pointed, as a rule, to a low level of culture and education among the Russian people.

The general conclusion of the study of the stated topic in Russian social thought suggests that its representatives explained the loss of the assimilation abilities of the Russian people by the peculiarities of the policy of autocracy, the behavior of the national elite, as well as the incompleteness of the process of theoretical understanding of the status of the Russian people within the state.

Keywords: social thought, relations of peoples, the Russian people, assimilation ability, state unity.

1. Введение

В перечне тем, занимавших внимание представителей русской общественной мысли в XIX в., оценка ассимиляционных способностей русского народа изначально возникает при изучении факторов, определявших условия формирования и закономерности развития русского государства. Позже она актуализируется под влиянием новейших европейских политических теорий в контексте «принципа национальности», влияние которых отразилось на постановке ряда вопросов, оставшихся ранее за рамками исследовательского интереса представителей отечественной общественной мысли. В их числе оказалась и проблема формирования «народности русской» (Надеждин, 1994: 108). Поясняя необходимость ее изучения, К.Д. Кавелин отмечал, что «история русского государства есть вместе история возникновения и образования целой отрасли русского племени, которая составляет главное его зерно». В ее образовании, расселении и обрусении финнов

* Corresponding author

E-mail addresses: ain@sfedu.ru (A.T. Urushadze)

состояла, по его мнению, «интимная, внутренняя история русского народа, оставшаяся доселе как-то в тени, почти забытая», в то время как «в ней-то именно и лежит ключ ко всему ходу русской истории» (Кавелин, 2013b: 153). Указанные соображения научного характера в 1860-е гг. приобрели политическую значимость в связи с проявлениями национального сепаратизма на окраинах и необходимостью консолидации русской нации, что обусловило потребность в осмыслении степени вовлеченности русского народа в разрешение этих процессов, в том числе посредством ассимиляции многочисленных народов в составе Российского государства. В историографии уже отмечалась актуальность обращения к изучению терминосистемы, которая описывает процессы генезиса идентичностей в империи Романовых (Миллер, 2006: 57). Данная статья сфокусирована на понятии «ассимиляция» в контексте развития русской общественной мысли XIX столетия.

2. Материалы и методы

Основными источниками при подготовке статьи послужили работы историков и правоведов Н.М. Карамзина, К.Д. Кавелина, В.О. Ключевского, А.Д. Градовского, С.М. Соловьева, В.Н. Татищева, Б.Н. Чичерина, этнографов Д.К. Зеленина, Н.И. Надеждина, И.Н. Смирнова, Н.Н. Харузина, которые содержат обширные фактические сведения об истории возникновения и особенностях взаимодействия народов в составе российского государства, а также исследования и оценки ассимиляционных способностей русского народа представителями различных идейно-политических направлений отечественной общественной мысли XIX в.

Теоретико-методологической основой работы являются общенаучные методы исследования. Принципиально важным для решения поставленных в ней исследовательских задач выступает принцип историзма, предполагающий взаимообусловленность теоретических представлений фактами и обстоятельствами истории. Историко-генетический метод помогает исследовать изучаемые явления в динамике, выделить и оценить этапы развития представлений и оценок ассимиляционных возможностей русского народа в течение XIX в. Определить особенности взглядов представителей различных теоретических направлений позволило использование историко-сравнительного метода. Применение историко-системного метода способствовало выяснению ассимиляционных возможностей русского народа в контексте общих проблем развития российской государственности. Наконец, метод историографического описания используется нами в сочетании с методами интеллектуальной истории и социокультурного контекстуального анализа.

3. Обсуждение и результаты

Вопрос об ассимиляционных способностях русского народа изначально возник в работах В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина как составная часть истории народностей России, однако уже во второй половине XIX в. он обрел черты вопроса самостоятельного и значимого. Историк И.Н. Смирнов включил его в перечень проблем «первостепенной научной и практической важности» (Смирнов, 1892: 753), а этнограф Н.Н. Харузин отнес «к группе крупных вопросов, решение которых является задачей русской этнографии» (Харузин, 1894: 43). Солидарность с такими оценками выразили и представители общества. Славянофил И.С. Аксаков характеризовал его как вопрос «очень любопытный», который «заслуживает особенного изучения» (Аксаков, 1886a: 247). Как бы поясняя эту ситуацию, Л.А. Тихомиров позже заметил, что внутренние отношения различных племен и национальностей в государстве являются «одним из важнейших вопросов исторической политики», который в государствах «приобретает огромное и, при неудачном решении, роковое значение» (Тихомиров, 1905: 290). Отметим, наконец, что правомерность указанных оценок подтверждается и в современной отечественной историографии, где признается, что вопрос об ассимиляционном потенциале русского народа являлся проблемой, «острой для своего времени» (Лескинен, 2013: 100).

В этой связи не вызывает особого удивления тот факт, что практически все представители историко-общественной мысли XIX в. приняли участие в обсуждении различных аспектов данной проблемы. При этом выявилась некоторая смысловая неопределенность понятий, используемых в отечественной литературе при характеристике рассматриваемой темы, включая в том числе основной из них – «ассимиляция». Составители энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона трактовали его как «уподобление», однако ограничивали использование сферами физиологии и лингвистики (Энциклопедический словарь, 1890: 323-324). Публицист И.С. Аксаков и историк А.Д. Градовский распространили этот подход на социальную сферу, обозначив ассимиляцию процессом «об уподоблении себе одной народности другой» (Аксаков, 1886a: 247; Градовский, 1901: 246).

Со временем эта точка зрения утвердилась в отечественной общественной мысли в качестве приоритетной, при этом ее характерной особенностью является использование указанного термина для характеристики стихийного, добровольного взаимодействия народов, осуществляемого, как правило, без использования какого-либо внешнего воздействия. Это обстоятельство особо подчеркивали А.Д. Градовский, характеризовавший ассимиляцию как «процесс естественноисторический, не зависящий от воли государственной власти» (Градовский, 1901: 23), а также историк и этнограф И.Н. Смирнов, по мнению которого она «совершается самой жизнью, помимо всяких предписаний» (Смирнов, 1890: 71). Обобщая эти оценки и одновременно

исторический опыт взаимодействия народов Российской империи, Н.Н. Харузин приходит в конце XIX в. к выводу, что «решающее значение» при оценке ассимиляционных способностей могут иметь «только те случаи, когда русский элемент сталкивается с инородческим как мирный колонизатор, вовсе не поддерживаемый либо поддерживаемый лишь в незначительной степени государственной властью, когда он является, так сказать, сам по себе» (Харузин, 1894: 46).

В контексте данного заявления нуждается в уточнении вопрос о соотношении в литературе XIX в. понятий «ассимиляция» и «русификация». Исторически более распространенным являлось первое из них, в то время как определение «русификация», по наблюдению А.Ю. Батуриной, появляется в рамках историографии либерального направления лишь к концу XIX в. (Батурина, 2005: 115). В содержательном плане заслуживает внимания то обстоятельство, что термин «русификация» означал, прежде всего, направление и содержание правительственной политики. В этой связи достаточно показательным выглядит отношение представителей общественной мысли к предложению П.И. Ковалевского использовать в качестве синонима термина «ассимиляция» термин «национализация», понимаемый как «сознательное и умышленное насаждение национальных свойств и качеств державной нации в нациях культурно слабых и соподчиненных», которое «зависит от стойкости, древности и культурности одной и другой» (Ковалевский, 1922: 63). Попытка консервативного публициста представить ассимиляцию как политическое «действие», «сознательное и умышленное насаждение» определенной политики поддержки в литературе не получила.

Сказанное означает, на наш взгляд, что концепт «ассимиляционная способность русского народа», являясь понятием производным, понимался в отечественной литературе XIX в. как способность передавать другим этнополитическим сообществам основы собственной культуры, жизни и быта в процессе стихийного взаимодействия. В то же время заметим, что отношение к указанному термину является в литературе неоднозначным. Неудачным признавал его, в частности, этнограф Н.Н. Харузин, полагая, что «наделять какой-нибудь способностью тот или другой народ следует лишь после анализа фактов, в которых принято видеть ее проявления». Таковых в отношении свойств и качеств русского народа он находил к концу XIX в. недостаточно, а потому приходил к заключению, что «пока еще нельзя говорить об “ассимиляционной способности” русского народа». При этом правомерность использования самого определения он, по нашему мнению, под сомнение не ставил, не исключая того, что со временем, по мере накопления дополнительных сведений, это «быть может, приведет к открытию и “ассимиляционной способности” русского народа» (Харузин, 1894: 78).

В отечественной литературе процесс ассимиляции народов рассматривался учеными и публицистами в качестве неотъемлемой части формирования этнической структуры Российского государства, первые проявления которой они связывали с продвижением славян на северо-восточные земли, в ходе которого, как указывал в 1846 г. Н.И. Надеждин, «на безмерном пространстве нынешней России русский человек сложился в свой нынешний вид в постоянном соприкосновении, под непрерывным влиянием различнейших чуженародностей». В это время «северо-восточный русс» вместе с народами, которые Н.И. Надеждин именуется «сплошной чужью», «обще и дружно заложил основания той государственной цельности и жизненности, непосредственным действием которой выработался первенствующий ныне оттенок народности русской, оттенок так называемый великороссийский» (Надеждин, 1994: 116).

Процесс активного взаимодействия народов продолжался и в дальнейшем. Следы его Н.И. Надеждин обнаруживает, в частности, на «природной физиономии» русской народности, в юго-западном облике которой, «особенно в том оттенке его, который принадлежит казачеству», многое, по его мнению, «отзывается чистою Азией, изобличает в себе происхождение кавказское, или – еще далее – подалтайское» (Надеждин, 1994: 116). Эта мысль, отражающая процесс не столько ассимиляции, сколько этнического смешения, стала весьма популярной в отечественной общественной мысли XIX в. Ее образное изложение принадлежит Ф.М. Достоевскому, который указывал, что «мы первые объявили миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделая им от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учась у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное дерево, осенит собою счастливую землю» (Достоевский, 1883: 357).

Наряду с этим, практически одновременно, в литературе утверждается представление о приоритете русского народа в этом процессе. Н.И. Надеждин подчеркивал его указанием, что «при всем этом, русский человек не перестал быть человеком русским, не выродился – ни в чужь белоглазую, ни в сорочину долгополую, не обернулся ни ляхом – католиком, ни немцем алытором» (Надеждин, 1994: 116). Несколько позже эту мысль уточнил редактор Н.И. Надеждина по первому тому «Этнографического сборника» К.Д. Кавелин, по утверждению которого русский славянин «везде и всегда остается при своих нравах и обычаях, даже одиноко и надолго заброшенный между иностранцами». Торговые отношения с иностранцами, полагает известный историк, «не могли несколько изменить внутреннего, домашнего и общественного быта русских славян – несколько слов и названий предметов, им неизвестных, вот все, что

могли передать им чужеземцы». Даже монгольское влияние, по мнению К.Д. Кавелина, ограничилось «несколькими словами, может быть, и даже вероятно, несколькими обычаями», но все они были «заимствованы, а не навязаны». И только скандинавы представляли некоторое исключение, однако и они в конце концов, по словам К.Д. Кавелина, «совершенно подчиняются туземному русско-славянскому элементу» (Кавелин, 2013а: 67-68, 81).

Тезисы К.Д. Кавелина обозначили важную проблему, состоящую в обосновании факторов, определявших ассимиляционные возможности русского народа. Европейский взгляд, в изложении экономиста Н.И. Тургенева, состоял в том, что ассимиляция, как правило, возможна в условиях, «когда различные народности окружены населением, превосходящим их не только по численности, но и по цивилизованности». Только в этом случае ассимиляция, как отметил Н.И. Тургенев, «происходит, можно сказать, сама собой, мало-помалу, плавно, и только в этом случае она хороша и основательна» (Тургенев, 2001). Эта позиция является достаточно распространенной и в отечественной историографии, признававшей, что «при прочих равных условиях, благоприятствующих сближению русских и инородцев, эти последние будут лишь там подвергаться обрусению, где их культурный уровень ниже» (Харузин, 1894: 78).

Отсюда понятен интерес представителей отечественной общественной мысли к данной проблеме. Одним из первых сведения о развитии у древних славян начал культуры и искусств приводит уже Н.М. Карамзин, который указывал, что «славяне имели некоторое понятие об искусствах, созданных с первыми успехами разума гражданского», а также отметил склонность славян к песням и пляскам, стихосложению, навыки в арифметике и хронологии (Карамзин, 1818: 76-77, 79-82). Дальнейшее развитие этой темы оказалось связано с работой П.И. Шафарика «Славянские древности», изданной в 1838 г. на русском языке. Автор признавал, что применительно к славянам, «конечно, нечего и толковать о греческой и римской образованности, о высших знаниях и искусствах», однако приходил к выводу, что «никакой беспристрастный судья не может отказать им в той степени самобытной и чисто человеческой образованности, которой еще нетронутые племена в течение лет достигают естественным путем» (Шафарик, 1838: 291).

Текст «Славянских древностей» довольно противоречив. В частности, П. Шафарик отметил, что «древние славяне... издавна имели свое собственное письмо, но, подобно немцам, редко употребляли его...» и, возможно, поэтому «сочинение книг, столько уже в это время процветавшее у греков и римлян, вовсе не имело у них никакого места». Отметив, что славяне в «пении, музыке и пляске превосходили все прочие европейские народы», автор одновременно признал, что потомкам «ничего не осталось ...от народных песен и сказаний того времени, коими славяне, без сомнения, обильно» и которые «показали бы глазам нашим внутреннее состояние жизни их в мифо-поэтическом покрове, как скандинавские сказания немцев» (Шафарик, 1838: 273, 287).

Выводы и оценки П. Шафарика были восприняты в России далеко не однозначно. В частности, скептически воспринимал их К.Д. Кавелин, заявляя, что попытки «некоторых авторов» выявить общий «уровень древнейшей славянской культуры» на самом деле лишают исследователей «возможности явно и отчетливо различать то, что в действительности могло бы быть весьма различно». Такая позиция ученого становится понятной при изучении его концепции образования великорусской народности в процессе продвижения западнорусских племен на северо-восточные земли, в рамках которой К.Д. Кавелин пришел к выводу, что переселенцы «не принесли с собой никакой культуры: ни умственной, ни гражданской» (Кавелин, 2013b: 159, 167).

Поясняя свою точку зрения, историк замечает, что «полтора или двухсот лет», прошедших со времени крещения Руси до «вероятного начала колонизации Великороссии», было недостаточно для «совершенного перерождения русских язычников», а потому культура их «не могла не быть тогда все еще по преимуществу языческой». Более того, исходя из анализа западнорусской мифологии, а также признания того факта, что на великорусской почве ее задатки «совсем исчезают», К.Д. Кавелин был уверен, что «у русских славян развитие в эпоху язычества стояло на весьма низкой ступени», когда «человек подчиняется силам и явлениям природы вполне, безусловно, безгранично», а кроме того, полагал он, «отсутствию культуры в мирозерцании древнейших великоруссов отвечало отсутствие ее и в их социальном быту» (Кавелин, 2013b: 160, 162-163, 165).

Близкую по смыслу позицию занимал в дальнейшей дискуссии С.В. Ешевский, который считал, что история «застает славянские и финские племена рядом и почти на одной степени развития». По его мнению, «славянин далеко не обладал сравнительно с финном не только тем громадным превосходством, какое имели испанские конкистадоры, или же англо-саксонский колонист над дикарем Америки, но даже и тем превосходством цивилизации, которое дало перевес римлянину над галлом и германцем» (Ешевский, 1870: 97).

Более оптимистично оценивали уровень развития культуры и образования переселенцев некоторые другие известные исследователи. В частности, Н.И. Надеждин считал, что «первенствующий ныне оттенок народности русской... собственно не что иное, как плод проникновения грубого чудства образовательной стихией русского» (Надеждин, 1994: 116), а В.С. Соловьев приходил к выводу, что языческая чудь «...постепенно и незаметно поглощалась христианской Русью, как высшим культурным элементом» (Соловьев, 1912: 77). Последнее замечание

известного философа вызывает необходимость обращения к оценкам роли христианства на данном этапе отечественной истории другими представителями общественной мысли. В свое время еще Н.М.Карамзин утверждал, что для русского народа «успехи разума и способностей его были ускорены в России христианскою верою» (Карамзин, 1818: 289).

В то же время К.Д. Кавелин, признавая тот факт, что западнорусские переселенцы уже были христианами и это «стало отличительным их признаком посреди язычников-туземцев и надолго заменило сознание народности» (Кавелин, 2013b: 168-169), все же предпочитал объяснять превосходство переселенцев тем обстоятельством, что на новой родине, «печальной и суровой, они не нашли ни образованных народов, ни даже остатков прежде бывшей культуры». Именно по этой причине, полагал он, местные племена финнов «подпали постепенно под власть и влияние переселенцев и, может быть, смешались с ними, всего вероятнее, стали обрусевать и таким образом внесли новую кровь, новые элементы в русское начало, принесенное колонистами с запада» (Кавелин, 2013b: 167).

Таким образом, на наш взгляд, можно говорить об определенном консенсусе во взглядах представителей отечественной общественной мысли по вопросу о наличии у русских славян-переселенцев некоторого превосходства в уровне развития культуры, обусловленного прежде всего фактором христианства. В дальнейшем наиболее активно отстаивали эту точку зрения представители славянофилов. Уже А.С. Хомяков в продолжение концепции П. Шафарика и, возможно, для снятия имеющихся в ней противоречий предложил использовать для определения уровня социокультурного развития народов термин «просвещение», который, в его понимании, «есть общее достояние и сила целого общества и целого народа». Обозначая границы понятия, автор пояснял, что просвещение «не есть только свод и собрание положительных знаний: оно глубже и шире таких определений», поскольку, с одной стороны, «может соединяться с наукой, ибо наука есть одно из его явлений», однако, уточнял при этом публицист, «оно сильно и без наукообразного знания». В подтверждение этого тезиса Хомяков писал, что просвещение, в таком понимании, некогда «было и у нас, несмотря на нашу бедность в наукообразном развитии, и от него остались великие, но слишком мало замеченные следы» (Хомяков, 1900: 26-27).

В данном случае, на наш взгляд, можно говорить о том, что представления об уровне социокультурного развития взаимодействующих народов, сложившиеся в отечественной общественной мысли, наряду с оценкой состояния культуры и образования, основывались ее представителями на признании особой значимости аспектов нематериального, духовного свойства, связанных с внутренним миром русского человека. В частности, А.С. Хомяковым был предложен вариант обоснования культурного превосходства русского народа чертами его народной жизни, такими как история, привычки, воспоминания, любовь к своей земле и «беспрестанные сношения с местной жизнью». Значимость своей концепции он стремился подчеркнуть указанием, что и на последующем этапе российской истории «все, что в нас не мертво, не бессильно, не бесплодно», было связано с этим (Хомяков, 1900: 24). Такая позиция получила поддержку К.Н. Леонтьева, утверждавшего позже, что «наш безграмотный народ более чем мы хранитель народной физиономии, без которой не может создаться своеобразная цивилизация» (Леонтьев, 1885: 9).

Дальнейшее обоснование предложенной точки зрения обнаруживается в работах И.С. Аксакова, заявившего в 60-е гг. XIX в. о необходимости изучения внутреннего потенциала народов, поскольку именно «в нравственных, ...духовных элементах каждой народности» содержался, по его мнению, наиболее значимый фактор ее влияния. Вызывает интерес стремление публициста обнаружить его «в самом отношении народа к своей народности, в большем или меньшем развитии народного самосознания, в его самоуважении, в чувстве своего личного достоинства, в том мнении, которое он сам о себе имеет, в той нередко безотчетной вере, которую он хранит в самого себя, в свои собственные нравственные силы, в свое историческое призвание» (Аксаков, 1886: 247-249). Принципиально выглядит его замечание о том, что в древней Руси «такая вера жила и не допускала места ни малейшему в себе сомнению» (Аксаков, 1886: 252). Заметим при этом, что тезис о наличии у русского народа некой «внутренней силы» упоминает, хотя и по несколько иному поводу, давний оппонент славянофилов В.С. Соловьев (Соловьев, 1912: 31).

В трактовке И.С. Аксакова данное качество приобретает принципиальное значение, более того, выступает в качестве основного, пожалуй, даже единственного фактора при обосновании притязаний русского народа на статус господствующего в государстве, поскольку, утверждал публицист, «народ, естественным ходом жизни, без всяких особенных насильственных и искусственных мер, способен подчинить своему нравственному влиянию другой, когда его вера в себя, в свою народность, в истину своих начал крепче веры этого другого» (Аксаков, 1886b: 252). Свообразным продолжением этой мысли можно рассматривать заявление В.С. Соловьева, согласно которому «история русского народа, от начала и до наших дней, знает только о безыскусственном и добровольном обрусении инородцев» (Соловьев, 1912: 77).

Таким образом, суммируя представления о значении уровня социокультурного развития взаимодействующих народов, сложившиеся в отечественной общественной мысли, отметим, что, наряду с оценкой состояния культуры и образования, ее представители уделяют первостепенное

значение аспектам нематериального, духовного свойства, связанным с внутренним миром русского человека. На этом фоне фактически более обоснованной выглядит характеристика еще одного фактора влияния русского народа, связанного с его статусом государствообразующей народности. В данном контексте в литературе отмечалось, что, несмотря на факты древней истории, свидетельствовавшие, что «ассимиляция племен совершается на каждом шагу» (Градовский, 1901: 22), широкое распространение этот процесс получает на Руси с середины XV в., в условиях, когда, по свидетельству В.О. Ключевского, «завершение территориального собирания северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство» (Ключевский, 1988: 107). С этого времени случаи ассимиляции рассматриваются историком как процесс естественный и в чем-то даже неизбежный, поскольку отражают некий «закон развития», согласно которому «народности, соединенные в одно государство хотя бы искусственно, ассимилируются, становятся одной национальностью» (Ключевский, 1988: 21).

Много внимания обоснованию данного тезиса уделяли представители государственной школы отечественной историографии, позиция которых основывалась на убеждении, что взаимодействие народов России следует рассматривать как частный случай общей проблемы формирования государства в этнически неоднородной среде, когда правители «вследствие случайных обстоятельств подчиняли своему владычеству самые различные, в национальном отношении, земли». В результате, наряду с государствами, которые были «однородны в отношении всех своих элементов», образуются и другие, состоящие «из различных народностей» (Градовский, 1901: 7-8, 12), причем, заметил Б.Н. Чичерин, «новые европейские народы имеют по преимуществу смешанный характер» (Чичерин, 1896: 68). В частности, он напоминает, что «как французская, так и английская народность образовались из различных, насевших друг на друга племен», а также то обстоятельство, что славянские племена, среди которых «наиболее смешанным» ученый называет великорусское племя, не остались в стороне от этого процесса (Чичерин, 1894: 82).

Значимой компонентой этих отношений определяется процесс ассимиляции, в результате которого складывались и исчезали многие этнополитические сообщества. Отсюда, естественно, возникал и вопрос о принципах взаимоотношений народов, в том числе критериях, определявших их лидерство в составе государства. В отечественной общественной мысли много внимания выяснению данного аспекта проблемы уделялось в работах Б.Н. Чичерина. Видный ученый и публицист напоминал одно из базовых положений европейской политической теории, согласно которому «то только государство прочно, которое опирается на известную народность», и уточняет при этом, что в случаях, когда оно состоит из разных народностей, «одна из них должна быть преобладающей». Такая народность, утверждает он, «сознавая себя как единую духовную сущность», не только демонстрировала большую стабильность, но и «приобретала ассимиляционные способности», которые в свою очередь использовались для формирования многосоставных этнополитических образований (Чичерин, 1896: 70, 80-82).

Своеобразной иллюстрацией данного тезиса можно считать заявление А.С. Хомякова, который подчеркивал, что Россия приняла в свое великое лоно много разных племен, «но имя, бытие и значение получила она от Русского народа (т.е. человека Великой, Малой, Белой Руси)». Отсюда он заключал, что другие народы «должны с ним слиться вполне, разумные, если поймут эту необходимость, великие, если соединятся с этой великой личностью; ничтожные, если вздумают удержать свою ничтожную самобытность» (Хомяков, 1900: 27). Заметим при этом, что высказанная предопределенность ассимиляции смягчалась у него признанием разнообразных вариантов проявлений этого процесса, вплоть до сохранения народами своей «ничтожной самобытности». В то время как консервативный публицист и общественный деятель профессор П.И. Ковалевский формулировал эту мысль более определенно: поскольку «государство, известное под названием Российская империя, создано русскими славянами, то уже по одной этой причине эта нация по всем божеским и человеческим правам должна быть господствующей нацией, держащей в государстве власть, управление и преобладание, или державной нацией» (Ковалевский, 1922: 123).

Таковы некоторые свойства и качества русского народа, а также условия государственной жизни, которые, по мнению отечественных авторов, позволяли ему претендовать на ведущую роль среди других народов в российском государстве. При этом вызывает некоторое недоумение тот факт, что в отечественной общественной мысли фактически незамеченными остались феномен крепостного права и его влияние на ассимиляционные способности русского народа. Пожалуй, только в работе П.И. Ковалевского при характеристике начального периода истории Российского государства содержится признание, что «рабство угнетает человека и подавляет его чувства, – а потому и национальное чувство русского народа в период появления элемента рабства должно было тускнеть и меркнуть» (Ковалевский, 1922: 17).

Возможности реализации факторов, определявших ассимиляционные способности русского народа и их последствия, оцениваются представителями общественной мысли на данном этапе исторического развития вполне позитивно, несмотря даже на осознание незавидного положения тех этносов, которые «входят в состав господствующего народа, воспринимают его язык, понятия и нравы и окончательно сливаются с ним совершенно» (Чичерин, 1896: 68). Заметим, что в целом такая

позиция соответствовала постулатам европейской либеральной теории в XIX в., когда, как отмечает современный исследователь О.Ю. Малинова, «ассимиляция воспринималась как позитивное явление, если вследствие нее индивид вливался в более “высокую” культуру» (Малинова, 2003: 105).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что позитивные оценки ассимиляционных способностей русского народа относятся, как правило, к доимперскому периоду истории России, когда, как отмечал С.В. Ешевский, «перевес славянской народности дан был уже соединением под власть варяжских князей, а еще более принятием христианства» (Ешевский, 1870: 98). Несколько дополнил его мысль о факторах ассимиляции профессор Харьковского университета В.П. Даневский (1852–1898), который утверждал в своей докторской диссертации, что «чуваши, мордва, черемисы, татары и пр. народности... слишком малочисленны сравнительно с окружающим их русским элементом, культура их ниже культуры господствующего племени, у них нет достаточных духовных сил, чтобы выработать сознание своего национально-политического “Я”. Они постепенно подвергаются ассимилирующему действию высшей культуры численно и духовно и исторически превосходящего их народа, имеющего богатые исторические традиции и сознание единства цели деятельности, проявившегося в создании государства, выразителя этой последней идеи, ее охранителя и развигателя» (Даневский, 1882: 293). Наконец, выражая, пожалуй, общее мнение представителей общественной мысли при оценке итогов взаимодействия народов России на ранней стадии развития, В.О. Ключевский заключает, что «русские, встретившись с финскими обитателями нашей равнины, кажется, сразу почувствовали свое превосходство над ними» (Ключевский, 1987: 297).

Вместе с тем при характеристике имперского периода российской истории получают распространение более пессимистичные оценки ассимиляционных способностей русского народа, основанием для которых называются различные причины. Приоритетной среди них является утверждение об утрате русским народом на данном этапе самобытных черт в области культуры. Справедливости ради напомним, что еще П. Шафарик при характеристике свойств славянских народов отмечал, что «все чужое им казалось всегда желаннейшим своего родного, чужой язык и образ жизни были приятнее, чем свой, отечественный» (Шафарик, 1838: 290). Эта мысль присутствовала и в оценке П.Я. Чаадаевым русской культуры как «всцело заимствованной и подражательной» (Чаадаев, 1991: 21). Сходные суждения высказывали В.Г. Белинский и Ф.М. Достоевский, которые, в изложении П.И. Милюкова, признавали «самой коренной чертой русского национального характера способность усваивать всевозможные черты любого национального типа». Другими словами, суммировал лидер русских либералов, «наиболее выделяющейся чертой русского народного склада оказалась полная неопределенность и отсутствие резко выраженного собственного национального облика» (Милюков, 1897: 6).

Более конкретный характер имела дискуссия в отечественной общественной мысли, начало которой положил Н.М. Карамзин, сформулировав положение о двух этапах в развитии русского национального самосознания. В ходе первого, указывал историк, «деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство». Другую важную особенность этого времени ученый находил в том, что «от сохи до престола россияне сходствовали между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях...» (Карамзин, 1991: 33–34). На втором этапе, «со времен Петровых», ситуация, по мнению Н.М. Карамзина, меняется кардинальным образом. Прежде всего он отметил негативные последствия отказа от русских обычаев, возлагая вину за это на дворянское сословие, представители которого не только оторвались от своих культурных корней, но, по его мнению, даже стали стыдиться национальной культуры. В результате, патетически вопрошает ученый, «имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде»? Объясняя свои сомнения на сей счет, он пояснял, что «высшие степени отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах, ко вреду братского, народного единодушия государственных состояний» (Карамзин, 1991: 33–34).

Со временем подход Н.М. Карамзина закрепился в общественной мысли, прежде всего в работах отечественных славянофилов, которые пришли к заключению, что на каком-то этапе «в русском обществе дрогнула вера в свою народность (не в материальную силу народа, а в его начала), явилось сомнение в самом себе, в своем призвании, в своем нравственном праве на самостоятельное духовное развитие, поникло чувство своего народного (не политического) достоинства, ослабло самоуважение и закралось в душу какое-то душевное подобоострашие перед авторитетом Западной Европы» (Аксаков, 1886b: 250). Эта позиция получила выражение в концепции И.С. Аксакова, предложившего взамен формулы А.С. Хомякова «государство-народ», триаду «государство-общество-народ», в рамках которой «обществу» отводилась ведущая роль в развитии народного самосознания, что косвенным образом могло сказаться на сохранении и развитии ассимиляционных способностей русского народа. Могло бы, но не сказалось, поскольку беспокойство Н.М. Карамзина о национальной идентичности правящей элиты в российской империи выглядело вполне оправданным и в отношении элиты интеллектуальной, «общества», в трактовке И.С. Аксакова. Характеризуя его, публицист утверждал, что «мы расколоты сами в себе, внутренне, –

страдаем какою-то нравственной двойственностью, и общественный духовный наш организм не может похвалиться ни цельностью, ни крепостью» (Аксаков, 1886b: 222). В результате, признает он, и «народ слабеет, теряет власть претворять инородцев в свою органическую сущность, сам поддается и подчиняется вере крепчайшей другого народа» (Аксаков, 1886b: 248-249).

Последнее замечание, в числе прочих причин, стало результатом осмысления в общественной мысли последствий включения в состав Российской империи этносов, не уступавших, а нередко и опережавших русский народ по уровню цивилизационного развития, что, естественно, ставило под вопрос как целесообразность, так и саму возможность их ассимиляции. Одним из первых обратил внимание на это обстоятельство Н.И. Тургенев, указавший, что стремление к ассимиляции народов, достигших «равной или более развитой цивилизации», вовсе не способствует прочности государства, а «только ослабляет его, разжигая недовольство и законную ненависть» (Тургенев, 2001: 387). Обозреватель «Вестника Европы» Л.Г. Лопатинский дополнил его позицию заявлением, что если народ «имеет свою историю, свою окрепшую цивилизацию, свою культуру, богато развитый язык и обширную литературу, то ассимиляция или поглощение подобного народа – вещь недостижимая...» (Лопатинский, 1873: 948).

Обращает на себя внимание, что в обоснование своих взглядов авторы приводили разные аргументы. Если Л.Г. Лопатинский исходил из убеждения, что «никакого русско-культурного элемента наши деятели не вносят и не могут вносить в прочно организованную и культурно-окрепшую жизнь европейских наших окраин, потому что не имеют и не носят в себе такого элемента» (Лопатинский, 1873: 950), то В.С. Соловьев выражал несколько иную точку зрения. Ссылаясь на воспоминания одного из русских писателей об одесском Ришельевском лицее в 1830-е гг., он указывал, что «всевозможные инородцы, наполнявшие лицей, чувствовали и заявляли себя русскими по духу во имя общей любви к русской литературе, к поэзии Пушкина», и заключал, что так «притягательно действовали духовные силы России при первом своем расцвете». Другое дело, что, признавая сам факт того, что и «в новейшее время настоящие европейцы нередко подвергались добровольному обрусению и даже делались ревностными русскими патриотами», он называл в качестве причины такого положения и некоторые другие черты русского народа (Соловьев, 1912: 77-78).

Отмеченное нежелание В.С. Соловьева связывать причины «обрусения» представителей других этносов с наличием ассимиляционных способностей русского народа возможно объяснить тем, что и представители западного направления во второй половине XIX в. не демонстрируют особого оптимизма в данном вопросе. Отличительной чертой их взглядов выступает стремление к оценке ассимиляционного потенциала русского народа в рамках концепции национального государства. В частности, А.Д. Градовский категорически отрицал идею о нации как о сообществе, основанном только на политическом единстве и безразличном к этнической структуре, а потому признавал, что по мере развития цивилизационных процессов наступает время, когда «принцип национальности противоречит механическому, насильственному соединению в одно государство сложившихся уже народностей, из которых никоим образом не может образоваться новая народность» (Градовский, 1901: 22). Подтверждение своих взглядов он находил в неудачных попытках формирования единой народности, как в Австрии или Турции (в последнем случае посредством насильственной ассимиляции славянских народов), так и в Швейцарской конфедерации на основе равноправно сосуществовавших французов, немцев и итальянцев (Градовский, 1901: 23-24).

При этом можно утверждать, что представители государственной школы сохраняли во второй половине XIX в. подобный взгляд и в отношении ситуации в России. Возможность ассимиляции народов России при этом не исключалась, однако ее условием называлось соблюдение ряда условий. Основным из них Б.Н. Чичерин называл «количественное и качественное отношение подчиненных этносов к господствующему племени», поскольку полагал, что «мелкие племена, стоящие на низкой ступени развития, как, например, те, которые заселяют громадные пространства России, не представляют таких препятствий государственному объединению, как народности развитые и носящие в себе предания, каковы польская, чешская, венгерская» (Чичерин, 1896: 71). С другой стороны, отметим и принципиальное указание Б.Н. Чичерина, что не всякое объединение в рамках государства можно уподобить ассимиляции. Напротив, он разводит эти понятия, указывая лишь, что объединительная миссия государства тем легче, «чем более преобладающая народность имеет перевес над остальными и количественно и качественно, чем богаче она материальными и духовными силами, чем более она обладает способностью ассимилировать себе другие или распространяться на их счет» (Чичерин, 1896: 71).

В начале XX в. уже и в кругах русских националистов признавалась принципиальная невозможность провести ассимиляцию окраин империи. 8 апреля 1906 г. в бакинском обществе «Якорь», объединявшем русских правых Южного Кавказа, бывший тифлисский губернатор Ф.А. Быков (1897–1899) представил доклад «Национальный вопрос на Кавказе». Он отдельно подчеркнул необходимость сохранения русского языка в качестве основного во всех учебных заведениях южной окраины Российской империи и в этой связи отметил: «Требование, чтобы люди, желающие по своим познаниям и развитию занять место в высших слоях общества, приобретали бы это развитие и познание на языке государственном есть требование вполне разумное. Это не есть

обрусение во что бы то ни стало, то есть это не есть стремление всех не русских по происхождению людей превратить в русских, каковое стремление, как совершенно несбыточное, только химера, за которой ни один серьезный человек гоняться не станет, это есть потребность государственного единства» (РГИА. Ф. 1083. Оп. 1. Д. 32. Л. 8). Ф.А. Быков, как и другие лидеры русских правых организаций Южного Кавказа, выступал в защиту имперского порядка, разрушение которого в ходе революционных потрясений 1917 г. предопределил моментальный развал и региональных объединений русских националистов.

4. Заключение

Изучение оценок ассимиляционного потенциала русского народа позволяет определить данную проблему в качестве одной из актуальных в отечественной общественной мысли XIX в., возникновение которой связывается с процессами возникновения и развития российской государственности. Особенностью позиции и общей чертой взглядов исследователей является выделение двух этапов при характеристике указанных свойств и качеств русского народа. В рамках первого из них, представляющего собой доимперский период российской истории, признается наличие достаточно высокого уровня ассимиляционных способностей русского народа, что объясняется превосходством его в состоянии культуры и образования, особой ролью христианской религии во взаимоотношениях с местными народами, а также статусом русской народности как государствообразующей. Второй этап характеризуется как менее успешный, что объясняется изменениями в русской народности в результате петровских реформ. При этом представители славянофильского направления, развивая подходы, обозначенные в работах Н.М. Карамзина, связывали падение ассимиляционного потенциала народа с утратой правящим сословием национальной самобытности. Представители государственной школы объясняли пробуксовку ассимиляционных процессов включением в состав Российской империи народов, не уступавших, а нередко и превосходивших его по уровню развития. Правые и националисты считали ассимиляционную проблему следствием подавления национальных свойств русского народа, в том числе в условиях действия крепостного права.

В то же время некоторые авторы в своих суждениях выходили за рамки представленной схемы. В частности, М.Н. Катков в 1864 г. с явным удовольствием цитирует высказывание французского исследователя о том, что русская национальность «одарена большою расширительною силою; она захватывает и уподобляет себе мало-помалу чуждые ей элементы, из которых только польский имеет еще некоторое значение...» (Катков, 1897: 707), а И.С. Аксаков годом позже писал уже как о деле решенном, что, «слава Богу, у нас в России, несмотря на разные новейшие точки зрения, один народ – русский; одна национальность – русская, которой господство основывается не на количественной только, но преимущественно, на качественной силе» (Аксаков, 1886а: 49). Некоторые исследователи заявляли даже, что «общий взгляд склоняется к признанию за русским народом развитой в значительной степени ассимиляционной способности». Основанием для этих и подобных им заявлений служили данные о том, что «пределы распространения русского элемента с древнейших времен до настоящего времени... выросли в значительной степени», вследствие чего «много инородческих племен не только мелких, но и крупных сливались с русской народностью» (Харузин, 1894: 44).

Однако в конечном счете в литературе преобладают оценки скептического характера, многие авторы отмечают факты, свидетельствующие, что «русская народность наделена большою подражательной способностью», что она не только «мало склонна к ассимилированию инородцев», но, наоборот, в некоторых случаях при столкновении с ними «высказывает стремление подвергаться их влиянию и утрачивать свои национальные черты» (Харузин, 1894: 46, 49). Особо выделяются исследователями случаи восприятия русскими отдельных свойств и качеств «инородцев» в зонах взаимодействия. В начале XX в. это объяснялось тем, что «русская нация очень слабо национальна» и нуждается в помощи (Ковалевский, 1922: 62).

Характерной чертой отечественной общественной мысли XIX в. является тенденция объяснять утрату ассимиляционных способностей русского народа в Российской империи особенностями правительственной политики и взглядов представителей образованного общества. И если В.С. Соловьев ограничивался указанием, что власть оставалась по отношению к «инородцам» «в пределах чисто государственных задач» (Соловьев, 1912: 78), то М.Н. Катков был более критичен, признавая в ноябре 1864 г., что «мы приобрели бессознательную склонность давать не только особое положение инородческим элементам, но и сообщать им преимущества над русской народностью», а кроме того, утверждает он, «мы приобрели инстинктивную склонность унижать свою народность» (Катков, 1897: 706). В этих условиях сохранение ассимиляционного потенциала русского народа признавалось задачей едва ли возможной, что иллюстрировалось фактами утраты им лидирующей роли не только в отношении народов западных окраин, но и применительно к другим этносам, сформировавшим за время пребывания в Российской империи национальные элиты, развившим собственное национальное самосознание, что создавало предпосылки к развитию национальных движений в России в XX в.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Литература

- Аксаков, 1886a** – Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886. Т. 1: Славянский вопрос: Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси»: Речи в Славянск. ком. в 1876, 1877 и 1878. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 791 с.
- Аксаков, 1886b** – Аксаков И.С. Сочинения И.С. Аксакова 1860–1886. Т. 3: Славянофильство и западничество: Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 846 с.
- Батурина, 2005** – Батурина А.Ю. «Национальный вопрос» в российской империи в постсоветской историографии // Русский национализм: социальный и культурный контекст / Сост. Марлен Ларюэль. М.: НЛЮ, 2008. С. 105-131.
- Градовский, 1901** – Градовский А.Д. Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 6: Статьи и публичные лекции о национальном вопросе. Славянский вопрос и война 1877 года. Польский вопрос. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 635 с.
- Даневский, 1882** – Даневский В.П. Система политического равновесия и легитимизма и начало национальности. Историко-догматическое исследование. СПб.: Тип. Р. Голике, 1882. 335 с.
- Достоевский, 1883** – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф.М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1883. 839 с.
- Ешевский, 1870** – Ешевский С.В. Сочинения С.В. Ешевского. Часть первая. М.: Тип. Грачева и Ко, 1870. 674 с.
- Кавелин, 2013a** – Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Государство и община / Сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 60-123.
- Кавелин, 2013b** – Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Государство и община / Сост., предисл., коммент. В.Б. Трофимова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 137-230.
- Карамзин, 1991** – Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 125 с.
- Карамзин, 1818** – Карамзин Н.М. История государства Российского. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. 518 с.
- Катков, 1897** – Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 год. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. 841 с.
- Ключевский, 1987** – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 1 [предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова; послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимица]. М.: Мысль, 1987. 430 с.
- Ключевский, 1988** – Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 [послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимица]. М.: Мысль, 1988. 446 с.
- Ковалевский, 1922** – Ковалевский П.И. Национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк: Союз «Единство Руси», 1922. 333 с.
- Леонтьев, 1885** – Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: Сборник статей К. Леонтьева. Т. 1. М.: Типолитография И.Н. Кушнерова и Ко, 1885. 312 с.
- Лескинен, 2013** – Лескинен М.В. Проблема ассимиляции финно-угорских народов в обосновании концепции «Волга – русская река» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 4. С. 91-105.
- Лопатинский, 1873** – Лопатинский Л.Г. Варшавские письма. Письмо второе // Вестник Европы. 1873. Т. II. Кн. IV. С. 944-958.
- Малинова, 2003** – Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации // Полис. 2003. № 2. С. 96-111.
- Миллер, 2006** – Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
- Миллюков, 1897** – Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. II. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб.: Издание редакции журнала «Мир Божий», 1897. 375 с.
- Надеждин, 1994** – Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской (Часть I) // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 107-117.
- Смирнов, 1890** – Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-географический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 8. Вып. 2. Казань, 1890. 308 с.
- Смирнов, 1892** – Смирнов И.Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Исторический вестник. 1892. Т. XLVII. С. 753-765.
- Соловьев, 1912** – Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. V: Национальный вопрос и другие публицистические статьи. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1912. 488 с.

- Тихомиров, 1905** – *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. Ч. 4: Монархическая политика. М.: Унив. тип., 1905. 318 с.
- Тургенев, 2001** – *Тургенев Н.И.* Россия и русские. Пер. с фр. и ст. С.В. Житомирский; коммент. А.Р. Курилкина. М.: ОГИ, 2001. 742 с.
- Харузин, 1894** – *Харузин Н.Н.* К вопросу об ассимиляционной способности русского народа // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. Кн. XXIII. С. 43-78.
- Хомяков, 1900** – *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. 417 с.
- Шафарик, 1838** – *Шафарик П.И.* Славянские древности. Т. 1. Кн. 3. Часть Историческая. Пер. с чешского И. Бодянского. Издано М. Погодиным. М.: Тип. Николая Степанова, 1838. 305 с.
- Чаадаев, 1991** – *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 768 с.
- Чичерин, 1894** – *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. I. М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и Ко, 1896. 481 с.
- Чичерин, 1896** – *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. II. М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и Ко, 1896. 432 с.
- Энциклопедический словарь..., 1890** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. II (3): Араго–Аутка. СПб.: Семеновская типолитография, 1890. 495 с.

References

- Aksakov, 1886a** – *Aksakov, I.S.* (1886). Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886. T. 1: Slavyanskii vopros: Stat'i iz "Dnya", "Moskvy", "Moskvicha" i "Rusi": Rechi v Slavyansk. kom. v 1876, 1877 i 1878 [The works of I.S. Aksakov 1860-1886. Vol. 1: Slavic question: Articles from The Day, Moscow, Moskvich, and Rus: Speeches to Slavyansk. com. in 1876, 1877 and 1878]. M.: tip. M.G. Volchaninova. 791 p. [in Russian]
- Aksakov, 1886b** – *Aksakov, I.S.* (1886). Sochineniya I.S. Aksakova 1860–1886. T. 3: Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo: stat'i iz "Dnya", "Moskvy", "Moskvicha" i "Rusi" [The works of I.S. Aksakov 1860-1886. Vol. 3: Slavophilism and Westernism: Articles from The Day, Moscow, Moskvich, and Rus]. M.: tip. M.G. Volchaninova. 846 p. [in Russian]
- Baturina, 2005** – *Baturina, A.* (2005). "Natsional'nyi vopros" v rossiiskoi imperii v postsovetsoi istoriografii ["National question" in the Russian empire in post-Soviet historiography]. *Russkii natsionalizm: sotsial'nyi i kul'turnyi kontekst* [Russian nationalism: social and cultural context]. Sost. Marlen Laryuel'. M.: NLO. Pp. 105-131. [in Russian]
- Chaadaev, 1991** – *Chaadaev, P.Ya.* (1991). Polnoe sobranie sochinenii: v 2-t. T. 1 [Complete works: in 2 volumes. T. 1]. M.: Nauka. 768 p. [in Russian]
- Chicherin, 1894** – *Chicherin, B.N.* (1894). Kurs gosudarstvennoi nauki. Ch. I [State Science Course. Part I]. M.: tipo-litografiya I.N. Kushnereva i Ko. 481 p. [in Russian]
- Chicherin, 1896** – *Chicherin, B.N.* (1896). Kurs gosudarstvennoi nauki. Ch. II [State Science Course. Part II]. M.: tipo-litografiya I.N. Kushnereva i Ko. 432 p. [in Russian]
- Danevskii, 1882** – *Danevskii, V.P.* (1882). Sistema politicheskogo ravnovesiya i legitimizma i nachalo natsional'nosti. Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie [The system of political balance and legitimism and the beginning of nationality. Historical and dogmatic research]. SPb.: tip. R. Golike. 335 p. [in Russian]
- Dostoevskii, 1883** – *Dostoevskii, F.M.* (1883). Polnoe sobranie sochinenii F.M. Dostoevskogo. T. 1: Biografiya, pis'ma i zametki iz zapisnoi knizhki s portretom F.M. Dostoevskogo i prilozheniyami [Complete works of F.M. Dostoevsky. Volume 1: Biography, letters and notes from a notebook with a portrait of F.M. Dostoevsky and applications]. SPb.: tip. br. Panteleevykh. 839 p. [in Russian]
- Entsiklopedicheskii slovar'..., 1890** – *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Volume II (3): Arago–Outka]. T. II (3): Arago–Aotka. SPb.: Semenovskaya tipolitografiya. 1890. 495 p. [in Russian]
- Eshevskii, 1870** – *Eshevskii, S.V.* (1870). Sochineniya S.V. Eshevskogo. Chast' pervaya [The works of S.V. Eshevsky. Part one]. M.: Tip. Gracheva i K^o. 674 p. [in Russian]
- Gradovskii, 1901** – *Gradovskii, A.D.* (1901). Sobranie sochinenii A.D. Gradovskogo. T. 6: Stat'i i publichnye lektsii o natsional'nom voprose. Slavyanskii vopros i voina 1877 goda. Pol'skii vopros [Collected works of A.D. Gradovsky. T. 6: Articles and public lectures on the national question. Slavic question and the war of 1877. Polish question]. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha. 635 p. [in Russian]
- Karamzin, 1818** – *Karamzin, N.M.* (1818). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of Russian Government]. 2-e izd., ispr. T. 1. SPb.: Tip. N. Grecha. 518 p. [in Russian]
- Karamzin, 1991** – *Karamzin, N.M.* (1991). Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. M.: Nauka. 125 p. [in Russian]
- Katkov, 1897** – *Katkov, M.N.* (1897). Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei. 1864 god [Collection of leading articles of the Moscow Gazette. 1864 year]. M.: Izdanie S.P. Katkovo. 841 p. [in Russian]

- Kavelin, 2013a** – *Kavelin, K.D.* (2013). Vzglyad na yuridicheskii byt drevnei Rossii [A look at the legal life of ancient Russia]. Gosudarstvo i obshchina [State and community]. Sost., predisl., komment. V.B. Trofimova. Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. Pp. 60-123. [in Russian]
- Kavelin, 2013b** – *Kavelin, K.D.* (2013). Mysli i zametki o russkoi istorii [Thoughts and notes on Russian history]. Gosudarstvo i obshchina [State and community]. Sost., predisl., komment. V.B. Trofimova. Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. Pp. 137-230. [in Russian]
- Kharuzin, 1894** – *Kharuzin, N.N.* (1894). K voprosu ob assilyatsionnoi sposobnosti russkogo naroda [On the question of the assimilation ability of the Russian people]. *Etnograficheskoe obozrenie*. Nr 4. Kn. XXIII. pp. 43-78. [in Russian]
- Khomyakov, 1900** – *Khomyakov, A.S.* (1900). Polnoe sobranie sochinenii. T. 1 [Full composition of writings. T. 1]. M.: Universitetskaya tipografiya. 417 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1988** – *Klyuchevskii, V.O.* (1987). Sochineniya: v 9 t. T. 2. Kurs russkoi istorii. Ch. 1 [Works: in 9 volumes. V. 2. Course of Russian history. Part 1] predisl. V.L.Yanina, V.A.Aleksandrova; poslesl. i komment. sostavili V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina. M.: Mysl'. 430 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1988** – *Klyuchevskii, V.O.* (1988). Sochineniya: v 9 t. T. 2. Kurs russkoi istorii. Ch. 2 [Works: in 9 volumes. V. 2. Course of Russian history. Part 2]. Poslesl. i komment. sostavili V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina. M.: Mysl'. 446 p. [in Russian]
- Kovalevskii, 1922** – *Kovalevskii, P.I.* (1922). Natsionalizm i natsional'noe vospitanie v Rossii [Nationalism and national education in Russia]. N'yu-Iork: Soyuz "Edinstvo Rusi". 333 p. [in Russian]
- Leont'ev, 1885** – *Leont'ev, K.N.* (1885). Vostok, Rossiya i slavyanstvo: sbornik statei K. Leont'eva. T. 1 [East, Russia and Slavism: a collection of articles by K. Leontiev. T. 1]. M.: tipo-litografiya I.N. Kushnereva i Ko. 312 p. [in Russian]
- Leskinen, 2013** – *Leskinen, M.V.* (2013). Problema assilyatsii finno-ugorskikh narodov v obosnovanii kontseptsii "Volga – russkaya reka" [The problem of assimilation of the Finno-Ugric peoples in the substantiation of the concept "Volga - Russian river"]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. № 4. Pp. 91-105. [in Russian]
- Lopatinskii, 1873** – *Lopatinskii, L.G.* (1873). Varshavskie pis'ma. Pis'mo vtoroe [Warsaw letters. Second letter]. *Vestnik Evropy*. T. II. Kn. IV. Pp. 944-958. [in Russian]
- Malinova, 2003** – *Malinova, O.Yu.* (2003). Liberalizm i kontsept natsii [Liberalism and the concept of a nation]. *Polis*. № 2. Pp. 96-111. [in Russian]
- Miller, 2006** – *Miller, A.I.* (2006). Imperiya Romanovykh i nacionalizm: Jesse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 248 p. [in Russian]
- Milyukov, 1897** – *Milyukov, P.N.* (1897). Ocherki po istorii russkoi kul'tury. Ch. II. Tserkov' i shkola (vera, tvorchestvo, obrazovanie) [Essays on the history of Russian culture. Part II. Church and school (faith, creativity, education)]. SPb.: Izdanie redaktsii zhurnala Mir Bozhii. 375 p. [in Russian]
- Nadezhdin, 1994** – *Nadezhdin, N.I.* (1994). Ob etnograficheskom izuchenii narodnosti russkoi (Chast' I) [On the ethnographic study of the Russian people (Part I)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. № 1. pp. 107-117. [in Russian]
- Shafarik, 1838** – *Shafarik, P.I.* (1838). Slavyanskie drevnosti. T. 1. Kn. 3. Chast' Istoricheskaya [Slavic antiquities. T. 1. Book. 3. The Historical Part]. Per. s cheshskogo I. Bodyanskogo. Izdano M. Pogodinym. M.: tip. Nikolaya Stepanova. 305 p. [in Russian]
- Smirnov, 1890** – *Smirnov, I.N.* (1890). Votyaki. Istoriko-geograficheskii ocherk [Votyaki. Historical and geographical sketch]. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. T. 8. Vyp. 2. Kazan'. 308 p. [in Russian]
- Smirnov, 1892** – *Smirnov, I.N.* (1892). Obrusenie inorodtsev i zadachi obrusitel'noi politiki [Russification of foreigners and the tasks of Russified politics]. *Istoricheskii vestnik*. T. XLVII. pp. 753-765. [in Russian]
- Solov'ev, 1912** – *Solov'ev, V.S.* (1912). Sobranie sochinenii. V 10 t. T. V: Natsional'nyi vopros i drugie publitsisticheskie stat'i [Collected Works. In 10 volumes. T. V: National question and other journalistic articles]. SPb.: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo "Prosveshchenie". 488 p. [in Russian]
- Tikhomirov, 1905** – *Tikhomirov, L.A.* (1905). Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. Ch. 4: Monarkhicheskaya politika [Monarchical statehood. Part 4: Monarchist politics]. M.: Univ. tip. 318 p. [in Russian]
- Turgenev, 2001** – *Turgenev, N.I.* (2001). Rossiya i russkie [Russia and Russians]. Per. s fr. i st. S.V. Zhitomirskii; komment. A.R. Kurilkina. M.: OGI. 742 p. [in Russian]

Оценка ассимиляционного потенциала русского народа в отечественной общественной мысли XIX в.

Анатолий Иванович Нарезный ^{a, b}, Амиран Тариелович Урушадзе ^{a, c, *}

^a Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^c Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу оценок ассимиляционной способности русского народа в отечественной общественной мысли XIX в. Указанный термин использовался для характеристики взаимоотношений, когда русский элемент сталкивается с инородческим как мирный колонизатор, вовсе не поддерживаемый, либо поддерживаемый лишь в незначительной степени государственной властью. Соответственно, определение «ассимиляционная способность» рассматривалось как наличие у народа возможности и способности передавать основы собственной культуры другим народам.

Процесс ассимиляции народов исследователи определяют неотъемлемой частью формирования этнической картины мира. Его проявления в российской истории связаны с продвижением славян на северо-восточные земли, процессом образования русского государства и складывания великорусской народности. Анализ ее ассимиляционных способностей свидетельствует о выделении исследователями двух этапов. Первый из них отмечен как весьма успешный, что объясняется превосходством славянских переселенцев в социокультурном отношении, ролью русской народности в образовании русского государства, а также единством ее составляющих. Последующая утрата ассимиляционных способностей объясняется славянофилами и представителями консервативно-националистического направления социокультурным расколом в русском народе и утратой национальной идентичности интеллектуальной элитой. Исследователи либерально-западнической ориентации указывают, как правило, невысокий уровень культуры и образования в русском народе.

Общий вывод изучения заявленной темы в отечественной общественной мысли позволяет утверждать, что ее представители объясняли утрату ассимиляционных способностей русского народа особенностями политики самодержавия, поведением национальной элиты, а также незавершенностью процесса теоретического осмысления статуса русского народа в составе государства.

Ключевые слова: общественная мысль, взаимоотношения народов, русский народ, ассимиляционная способность, государственное единство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ain@sfedu.ru (А.Т. Урушадзе)